

Евгений Кулагин: «Опера требует вмешательства извне» | Evgeny Kulagin : «L'opéra a besoin d'une intervention de l'extérieur»

Author: Надежда Сикорская, [Цюрих](#) , 31.10.2018.

Евгений Кулагин в Цюрихе (© Nashagazeta.ch)

4 ноября в Оперном театре Цюриха состоится премьера оперы В. А. Моцарта «Così fan

tutte» («Так поступают все»). На афише указано имя режиссера-постановщика – Кирилл Серебренников. Наши читатели знают, конечно, что Кирилл Семенович с августа 2017 года находится под домашним арестом по обвинению в хищении государственных средств. Как так?

|

Le 4 novembre la première représentation de la nouvelle production de « Così fan tutte » de Mozart aura lieu à Opernhaus Zürich. L’affiche annonce le nom du metteur-en scène – Kirill Serebrennikov qui est pourtant détenu à son domicile en Russie depuis août 2017. Comment est-ce possible ?

Evgeny Kulagin : «L’opéra a besoin d’une intervention de l’extérieur»

Пресс-служба Оперного театра Цюриха назвала пресс-релиз, оповещающий о предстоящей премьере, «Премьера без режиссера». Мы находим это название не совсем точным: да, режиссер Кирилл Серебренников не будет присутствовать в зале 4 ноября и даже его присутствие «за сценой» надо понимать в более широком смысле. Однако он не пропустил ни одной репетиции, ни одной детали постановки, и дух его – без всякой мистики – присутствует в эти дни в театре постоянно. И именно его незримое присутствие вызывает ажиотаж и привлекает внимание меломанов, прессы и политиков, доброжелателей и наоборот, именно в этом – основная премьера.

Мы благодарны Евгению Кулагину, ставшему проводником между изолированным Серебренниковым и цюрихским театром и на практике реализовавшим постановку, за то, что нашел время для интервью в разгар репетиционного периода, за несколько дней до начала закрытого судебного процесса над Серебренниковым в Москве. Если честно, ожидали встретить немножко сноба, немножко задаваку. А познакомились с очень приятным молодым человеком, творческим, знающим, убежденным, да к тому же вежливым и хорошо воспитанным – во время перерыва он единственный, кто вымыл за собой кофейную чашку, тщательно вытер и поставил на место. Пустячок, казалось бы, но, согласитесь, приятно!

Разговор о деле мы повели после окончания репетиции, за бокалом просекко в уютном кафе напротив театра.

Наша Газета: Евгений, по образованию Вы - артист театра и кино. Всю сознательную жизнь занимались современным танцем и театром. Каким образом из хореографии Вы пришли в оперу?

Евгений Кулагин: Во всем виноват Кирилл Серебренников, он же меня и в кино привел. Если серьезно, то многолетнее сотрудничество с ним в качестве хореографа, художника по движению позволило постепенно освоить и другие жанры. Даже сняли музыкальную танц-короткометражку для выставки по Параджанову. Мы немало уже работали на, так сказать, смежных территориях – опера, кино, танец, драма. Наверно, это и есть современный театр, который уже с трудом поддается делению на жанры. Критик Марина Давыдова еще лет десять назад говорила: «Вот увидите, современный танец оккупирует театр». Так и случилось. Выразительность современного театра постепенно требует, чтобы артист владел не только своим голосом и лицом, но и телом. Практически у каждого серьезного российского режиссера сегодня есть хореограф, с которым он работает.

Наши актеры как раз и отличаются, в отличие от западных, такой многогранностью - в российских театральных институтах всему этому учат. Поэтому, возможно, с нашими в этом смысле и работать легче.

Да, я согласен, хотя и в России есть разные школы. Школа-студия МХАТ, например, поощряет такую мультидисциплинарность. Но в некоторых театральных школах убеждены, что артист должен уметь просто выразительно говорить – система Станиславского и ничего больше. Конечно, артист сейчас меняется, в частности, под влиянием кино и приходящих в театр молодых режиссеров, предъявляющих иные, новые требования. В России сегодня наблюдается настоящий всплеск универсальных артистов, кого ни возьми – все прекрасно поют, круто двигаются. В нашем театре, Гоголь-центре, движение часто более важно, чем речь. Кирилл Серебренников говорит, что ему легче научить артиста, владеющего своим телом, навыкам драматического театра, чем блестящего классического актера, со своим телом не дружащего, движению. Для театра Кирилла это очень важно, а для меня тем более. Имея в своем теле мощный инструментарий, со временем познаешь и другие формы психофизической выразительности.

Помните Ваш первый проект с Кириллом Серебренниковым?

Мы начинали еще как резиденты Гоголь-центра, а еще раньше сделали два спектакля для «Платформы» - невероятного проекта, поменявшего Москву и современную российскую культуру. Потом я начал работать с ним как хореограф, то есть уже лет восемь-девять мы вместе.

Сторонники «чистого искусства» и строгого разграничения жанров очень ругаются, когда за оперу берется не оперный режиссер, режиссер, не имеющий музыкального образования. Что бы Вы сказали таким критикам?

Я бы сказал им, что опера требует такого развития, такого вмешательства извне.

Евгений Кулагин ведет репетицию (© Nashagazeta.ch)

Опера - самый условный жанр...

Конечно, как и танец! Почему сейчас мне так легко и комфортно воплощать здесь, в Цюрихе, концепцию Серебренникова? Да потому, что он все расписал в буквальном смысле как по нотам: каждое движение, каждый жест, каждую мотивацию артиста. Это как реконструкция балета: ты сделал механику, расставил акценты, и условный жанр начинает работать. В драматическом театре это сложнее, ведь он требует со стороны артиста долгого и мучительного поиска под руководством режиссера-ментора. В опере музыка, конечно, главное, а дальше... Посмотрите, какие прекрасные спектакли ставит Саша Вальц! Приход хореографа в оперу – это круто, это ее оживляет. Я считаю, что оперные «монстры», стоящие на позиции «не трогайте нашу оперу», на самом деле мешают ей развиваться, быть современной по звучанию, чтобы и Моцарт, и Чайковский были из 21 века, в котором мы живем. Очень хотелось бы, чтобы на оперные спектакли приходила молодежь, и чтобы они были для нее также интересны, как блокбастеры или постановки современных авторов в театре. Балет ведь тоже считается мертвым искусством, это говорят даже сами примы-балерины. Но приходит хореограф уровня Форсайта или Килиана, и все оживает. И Кирилл Серебренников со своими постановками «Герой нашего времени» и «Нуриев» внес уже серьезный вклад в этот процесс обновления балета. «Нуриев» – больше, чем балет, несмотря на блестящую хореографию, это – важное театральное событие в балете. На него можно купить билет, но надо постоять в очереди, и молодые стоят.

И все же в опере есть своя специфика. Не сложно Вам?

Специфика, безусловно, есть, но главное – певцы. Нам очень повезло, состав в Цюрихе подобрался просто прекрасный. К счастью, и тут мы ушли от многих штампов: оперный певец или певица совсем не обязательно грузный человек, неподвижно стоящий на сцене и поющий. Мы видим молодых блестящих исполнителей, обладающих не только вокальным и драматическим даром – а мы с Кириллом ставим перед ними сложные задачи, но способных даже на балетные номера – оказывается, многие об этом мечтали.

Раньше в оперу ходили на певцов, сейчас все больше на режиссеров. Как вы достигаете баланса?

Если честно, мы этого баланса не ищем, мы просто ставим ту планку, которую нам хотелось бы, а артист ее берет. Но ведет режиссер, и мы не облегчаем жизнь певцов, мы хотим, чтобы они почувствовали себя еще и драматическими артистами. Мне кажется, это их вдохновляет.

Как давно возникла идея проекта постановки Серебренниковым спектакля в Цюрихской опере? Еще до ареста, наверное?

Да, все было утверждено еще полтора-два года назад, и надо отдать должное смелости директора Цюрихского оперного театра Андреаса Хомоки, который не отменил принятого решения. Ему очень понравилась предложенная Кириллом концепция, и когда вся эта история с Кириллом началась, мы предложили ему вот такой вариант работы, когда по режиссерской экспликации и клавиру репетиции проводит его опытный ассистент.

А как конкретно проходит творческий процесс? На афише Кирилл Серебренников по-прежнему указан как режиссер, Вы – как хореограф. Однако именно Вы проводите репетиции, готовите спектакль.

Находясь под домашним арестом, Кирилл может говорить по телефону только с отцом и с адвокатом, не имеет права пользоваться интернетом и общаться с людьми, которые хоть как-то вовлечены в расследование. Все эти ограничения мы, конечно, соблюдаем. Я записываю репетиции на видеокамеру, передаю запись адвокату вместе с моими вопросами, а Кирилл потом передает мне свои комментарии и замечания также через адвоката. К счастью, все это происходит довольно быстро, так что простоев нет. Это главное. Второе – это доверие ко мне со стороны Кирилла, наше общее чувство правды, общий вкус. Мы можем о чем-то спорить, но смотрим в одну сторону, так сказать, иногда оказывается прав он, иногда я. Но его доверие позволяет мне принимать какие-то самостоятельные решения.

В России, конечно, знают, что эта работа ведется. Ему не пытались запретить в ней участвовать?

А как могут запретить, если все нормы режима домашнего ареста он соблюдает?

«Così fan tutte» - одна из тех опер, которые наиболее легко поддаются переносу во времени и пространстве, благо темы вечные: любовь, дружба, доверие, предательство... Вы в какую, так сказать, сторону все это

перенесли?

Конечно, в современность, придавая современное звучание проблемам, волновавшим Моцарта триста лет назад, и по возможности сглаживая некоторые нестыковки.

Например?

Например, странно, согласитесь, что мужчины уходят на войну, возвращаются переодетыми и их возлюбленные их не узнают. Сложно в это поверить, не клеится! А потому мы это поменяли, придумав такое сложносочиненное действие: мужчины уходят в армию, а женщины, на секунду представив себе, что они могут умереть, как бы провоцируют их смерть. Мужчины становятся фантомами, а к их женщинам приходят совсем другие мужчины, завладевающие их вниманием. При этом певцы остаются те же. На самом деле, мы придумали на свою голову гораздо больше работы, создав очень сложную систему координат и проработав линии и погибающих мужчин, и варваров, пришедших им на смену.

Репетиции проходят на трех языках - русском, немецком и английском. Вам комфортно так работать?

Ага, а поют на итальянском! Это – самое забавное во всем постановочном процессе. С одной стороны, у нас очень интернациональная команда, но русский язык реально всех как-то объединил, великий и могучий победил! Ребята-аккомпаниаторы приходят со словарями и разговорниками, статисты выучили «здравствуйте – до свидания», а задействованные певцы, даже не владеющие русским, пели в «Онегине», так что что-то понимают. Среди сотрудников театра тоже есть те, кто знают русский, и это очень приятно. А драматург Беата Брайденбах, говорящая по-русски как мы с Вами, – вообще отдельный подарок. Стремление всех участников постановки выучить хоть несколько слов я воспринимаю как знак уважения и к Кириллу, и ко мне, и ко всем творческим людям нашей страны. Вообще, мне досталась команда супер профессионалов, работать с которыми – удовольствие и ответственность.

Вот такой "джентельменский набор" обнаружили мы в репетиционном зале Цюрихской оперы (© Nashagazeta.ch)

Во время репетиции я «подсмотрела» сцену свадьбы, в которой участвовали, судя по движениям, странные существа, без костюмов трудно определить...

Да, мы придумали некий странный ритуальный обряд в псевдовосточном стиле. Там будут и животные, и албанцы (тема иммиграции), и шаман с бубнами...

Как Вы думаете, Моцарт одобрил бы вашу постановку?

Конечно, ведь он был страшный хулиган! Артисты сами познакомили меня с массой нюансов, например, как Моцарт шутил с либреттистом Да Понте, с их игрой слов. Готовясь к этой работе, я пересмотрел и переслушал, кажется, все имеющиеся записи этой оперы, бесконечно сидел с клавиром, разбирал... Страшновато, конечно, но надеюсь, все будет хорошо.

От редакции: Мы тоже на это надеемся и приглашаем вас [заказать билеты на спектакль](#), который может понравиться или нет, но равнодушным не оставит точно.

[опера](#)

Source URL:

<https://dev.nashagazeta.ch/news/les-gens-de-chez-nous/evgeniy-kulagin-opera-trebuets-vme-shatelstva-izvne>